

Дневники искателя

Филипп Эльмих

В ПОИСКАХ *утраченного* КЛАДА

по следам скифского
золота и сокровищ
крестоносцев

Филипп Эльмих
В поисках утраченного клада. По следам
скифского золота и сокровищ крестоносцев
Серия «Дневники искателя»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180650
Филипп Эльмих. В поисках утраченного клада. По следам скифского золота и сокровищ
крестоносцев: Вектор; Санкт-Петербург; 2008
ISBN 978-5-9684-1090-0

Аннотация

При сносе старинного особняка обнаружена опись золотого клада, спрятанного когда-то на этом месте и изъятого в годы революции. Как могли оказаться в одной коллекции скифские изделия и мальтийский крест, кто был владельцем ценностей и, главное, где они теперь? Об этом#— захватывающее журналистское расследование Филиппа Эльмиха.

Содержание

Золото из школьной стены	4
Алло, это музей?	9
Тетрадка учителя Грабишкина	11
Тайны городка Никоний	15
По скифским следам	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Филипп Эльмих

В поисках утраченного клада. По следам скифского золота и сокровищ крестоносцев

Золото из школьной стены

Летом 2005 года, когда я еще работал в своем «Аномальном вестнике», удивительной газетенке, собирающей со всех просторов страны разные невероятные истории, в редакцию позвонили. Звонил мужчина, по голосу – представительный, потому что перекачивал слова во рту, как морские камешки, и держался строго, по-военному.

– Газета? – орал он в трубку. – Газета, спрашиваю?

– Да, – сказал я, – газета.

– Тогда мне к вам, – обрадовался он, – мы тут клад нашли.

Сами понимаете, что бывает с нормальным человеком, когда он такие чудесные слова слышит. Худо бывает с человеком. Вот и я вздохнул и подумал: приехали, только клада на мою бедную головушку и не хватало. Но тот, на проводе, о моих сомнениях ничего не знал, поэтому рапортовал мне строго и четко:

– Значит, так. Клад золотой.

Час от часу не легче, подумал я, еще и золотой. Нам тут только золотого клада не хватало. Небось, медь или латунь, в лучшем случае бронза. Золотые клады – это, знаете ли, редкость. Их простые смертные не находят. Но мужик в трубке был непреклонен.

– Да, совершенно золотой...

– Вам бы в музей, – сказал я удрученно, – там вам помогут и документы оформят.

– В музей мы уже были, – ответил он с ненавистью, – послали нас в вашем рассаднике культуры. Так что одна дорога – в газету.

Я вздохнул, положил перед собой блокнот и приготовился записывать. Хоть пару раз в год, но посещали нас сумасшедшие разного толка, которые обещали предоставить науке золотые клады. Приходили с картами, где против какой-нибудь деревеньки стоял черный жирный крест со словами «копать тут от третьего столба»; приходили и старушки, получающие нищенскую пенсию, те больше доносили слухи, ожидая, что мы всей редакцией возьмем в руки лопаты и заступы и пойдем ворошить прошлое, хотя труд наш будет безрезультатен. Бабушки надеялись на премию от клада. Их понять можно. На такую пенсию и кошка не проживет. Но этот мой собеседник процентами от клада совсем не интересовался. Он был напорист и очень жизнерадостен.

– Мил человек, – орал он с воодушевлением, – тут история такая, что по телефону бессмысленно. Приезжайте, а? – И, предотвращая единым махом мой отказ: – Приезжайте, я вам машину пришлю.

– А кто вы? – тупо спросил я, все еще надеясь отвертеться.

– Кузькин я, – радостно сказала трубка, – предприниматель. Приезжайте, а то зря только время переводим.

– Ладно, – вздохнул я, поняв, что от настойчивого мужика никак не отделаться. – Присылайте.

– Хорошо, – обрадовался он, – сейчас и пришлю. Ждите.

И трубка огласилась прерывистыми гудками.

Ах ты, думал я с отчаянием, вот ведь жук! Даже не дал телефона своего записать. Сразу машину эту поганую подал. Теперь сиди и жди, будто у меня других дел нет, чтобы по ложному вызову черт знает куда ехать. Не было печали... И только я хотел к главреду податься, как дверь открылась и на пороге появился наш ответственный секретарь.

– Ну, – говорит секретарь, – поезжай.

– А ты откуда знаешь? – спрашиваю с противным холодком между лопаток.

– Да уж знаю, это я к тебе его и перенаправил. Поезжай, поезжай, – добавил, поцеживая папироску, – не прогадаешь. Кузькин – он хороший мужик, правильный, зря волну гнать не будет.

– А ты, – спрашиваю, – откуда знаешь?

– Да он же руководитель СМУ, ему по должности шутить не положено. Если говорит, что клад, так и есть – клад.

– Хорошо, – сказал я ледяными губами, – поеду, если это редакционное задание.

– Считай, что задание и от других дел ты временно освобожден.

Тут и машина подошла. Мощная такая машина, вся зеленая, по виду совершенно армейская. И шофер в кожанке и синем берете выглянул из кабины и помахал мне рукой. Мол, иди сюда, журналист, повезу. Я сел. Шофер рванул с места, и машина с урчанием поползла вперед. Так ползла она и ползла, пока не вырвалась за городскую черту.

– Э, – забеспокоился я, оглядываясь по сторонам, – куда это вы меня везете?

– К Кузькину, – отрывисто сказал шофер и ничего больше объяснять не стал.

А окраины тем временем сменились дикими совершенно ландшафтами с пустырями и строительными кранами, желтой глиной на обочинах и глубокими канавами с ледяной рыжей водой. Потом в прошлое ушли и эти канавы и краны, а их место заняли пустые поля, луга с жухлой осенней травой и сизые домики деревень. Так оно теперь и менялось: деревни – лес, деревни – лес, и шоссе все дальше и дальше уводило от города.

– Долго еще? – в отчаянии спросил я у неразговорчивого водителя.

– Дак с четверть часа.

Он не лгал. Минут через пятнадцать машина свернула с шоссе, проехала немного по узкой глинистой дороге и затормозила у развалин дома. Левая часть былой лепоты была уже полностью снесена, справа торчали полторы стены и яма. У этих стен нас поджидал седой мужчина в зеленой ветровке.

– О, – обрадовался он, точно ничего лучшего в жизни и не желал, – приехали! – и не дожидаясь, что вылезу и поздороваюсь, сразу добавил: – Я Кузькин, Олег Георгиевич, сейчас вас в курс дела введу.

Кузькин вытащил меня из машины и поволок за собой. Все происходило с такой скоростью, что я не успевал даже думать, просто шел за ним и глядел по сторонам. Стройка как стройка, ничего оригинального.

– Вот, – между тем сообщал мне этот энтузиаст, – копали, понимаешь ли, тут, сносили стены, возьми, как назло, клад нашли.

– Золотой? – переспросил я, помня о первом еще разговоре.

– Точно, золотой, – кивнул мне он, – ценности необычайной.

– И где же он? – спросил я, оглядывая котлован, остаток стен и перекошенный объездной знак.

– Тут, – гордо ответил хозяин стройки, – вот.

Я, конечно, ко всякому привык. К обману тоже. Но этот Кузькин вытащил из необъятного кармана куртки ящичек – по виду стальной или из сплава.

– Что это? – спросил я ошарашено.

– Э, – замялся Кузькин, – тут все о кладе и есть.

Оказалось, прибыл Кузькин на деревенский объект, чтобы снести старое здание и подготовить площадку для новой стройки. Пару дней назад рабочие стали ломать стены, а тут среди камня и известки и мелькнул этот ящичек. Строители сразу работу побросали, вокруг находки сгрудились, едва удалось их остановить, чтобы не ломали хотя бы. Был на участке бывший слесарь, он старинный замок за пару минут без всякой поломки и вскрыл. И что оказалось?

– Золотой клад? – потрясенно прошептал я.

– Хм, – сказал Олег Георгиевич, – сперва я тоже так думал. Мал, конечно, ящик, но на пару украшений с бриллиантами хватит. Нет, берите выше!

– Куда ж выше то?

– Древний это клад, – добавил он рассудительно, – очень древний.

Ящик, который мне предъявили, был стерильно пуст.

– Э, – вздохнул Кузькин, – сведения мы от рабочих подальше убрали, а то позарится еще кто.

– Какие сведения?

– А я разве не сказал? – удивился он, – те, что в той тетрадочке были и на листке приказа под печатью записаны.

– А клад?

– Так об этом и речь! – Кузькин схватил меня за талию и снова потащил по грязи, теперь уже в одинокий сизый вагончик. – Вот, – вытащил он из стола тетрадку и какие-то бумаги, – поглядите только.

«Сим удостоверяю, – читал я, ничего уже не понимая, – что изделия из желтого и белого металла (предположительно золото, серебро, а также бронза), сданы в количестве 37 штук общим весом семь килограммов триста граммов. По случаю находки составлена следующая опись:

Золотая пластина с надписью на чужом языке и рельефом в виде бородатого мужчины – 1 штука.

Золотой гребень с двумя бегущими зверями сверху – 1 штука.

Золотой гребень с лежащим на отдыхе животным в виде барса – 1 штука.

Золотая птица (сокол?) с раздвинутыми крыльями, как бывший царский герб, но одной головой, – 1 штука.

Золотая олениха непонятного назначения, – 1 штука.

Зеркало в бронзе, имеющее дырку посередине, с зверями на ручках – 2 штуки.

Золотая фигура коня без всадника – 1 штука.

Золотая змея, вся в завитках и чешуе – 1 штука.

Серебряный крест католической формы с красным камнем и надписью на чужом языке, предположительно немецком, – 1 штука.

Кольцо с самоцветами из желтого металла – 1 штука.

Золотая диадема для женской головы с витым кружевом – 1 штука.

Золотые серьги персидской работы – 1 пара.

Пряжки из желтого металла, заколки и прочая мелочь в количестве 24 предмета.

А также три килограмма восьмьсот граммов серебряных и золотых монет.

Выемка произведена 13 ноября 1920 года при двух свидетелях – тов. Попове Б. Б. и Серегине Т. И.

Выял комиссар Гришка Трябухин.

Принял комиссар Николай Васильев.

К данному перечню присовокуплены собственноручные исследования учителя бывшей мужской гимназии, а теперь школы трудового воспитания имени Коминтерна, Грабишкина Петра Евстихьевича с зарисовками и фотографиями».

– Что это? – онемел я. – А клад где?

– А об этом я у вас спросить-то и хотел, – сказал мне Кузькин. – Документ есть, тетрадка есть, даже фотографии есть, только на них ни черта не видно, а золота никакого нет. Куда делось-то?

Надо же, подумалось тут мне, в жизни более забавной находки не видал. Точно: все правильно оформлено, а клада никакого нет.

– Мы все тут перерыли, думали, вдруг куда завалилось, – огорчился Кузькин. – А потом мой напарник Еремин и говорит: «Олег, так ведь если изъяты, их увезли куда-нибудь. Не стали бы снова в стенку пихать». Я тоже так думаю. Этот дом кому до революции принадлежал? Купцу какому-нибудь или богатой шишке. А когда сюда красная власть пришла, стали дом ломать, клад и нашли. А раз нашли, так государству и сдали. Нужно в музей звонить. Вот сперва мы в музей и позвонили, про клад то есть. А там девушка какая-то нервная. Как про клад услышала, трубку шварк – и молчок. Пять раз звонили – стоило нам про клад заикнуться, сразу и говорить не хотят. Хорошо еще, вы на свете есть, людей хоть слегка уважаете. Мы тут ничего не скрываем. Сами поглядите. А клад так хочется увидеть. Куда его дели? Кто? Какой он был?

Я между тем перелистывал тетрадку, с трудом разбирая бисерный почерк учителя бывшей мужской гимназии, а теперь школы трудового воспитания. Учитель, видимо, был энтузиаст. Об истории, и не только местной, он знал все. Находки из клада зарисовал с точностью, достойной средневековых гравюров. И каждый рисунок снабдил надписями и комментариями относительно веса, размера и возможной принадлежности золотых изделий каким-то уже известным кладом. Сделал он и фотографии, но до нашего времени дошли они желтыми и совершенно слепыми, рисунки выглядели куда лучше.

– Не возражаете, – спросил я, закрывая тетрадку, – если я прихвачу документы с собой?

– Так прихватывайте, – радостно согласился Кузькин, – прихватывайте. А когда все узнаете, нам скажите. Вот ведь, – он широко улыбнулся, – никогда кладов не искал, а нашел, и еще какой – золотой! Тридцать семь одних предметов, не считая монет!

Так ко мне попали странные описания странной находки. А следующим утром я уже докладывал главреду, что, собственно, обнаружил. Главред поглядел на меня сочувственно и заметил:

– Знаешь, Филипп, ничего нет хуже кладов. Но вот чтобы вместо сокровищ люди находили полную опись изъятого, о таком я никогда не слыхал. Главное, непонятно – зачем.

– Понятно, – вздохнул я, раскрыл тетрадку учителя Грабишкина и прочел: «Сокровища, которые тут нашли мои ученики при ремонте восточной стены в школьной рекреации, представляют огромную научную и музейную ценность. Я смею предполагать, что этот клад войдет в историю мировой культуры и прославит имя России и ее народов на многие века. По моей просьбе и настоянию на месте этой находки товарищ комиссар Васильев захоронил памятный знак в виде звезды и полную опись изъятого у мировой буржуазии. Если кто-нибудь найдет мои записи и эту опись, знайте – наш драгоценный клад будет выставлен в лучших музеях мира. Золотые вещи, сделанные древними мастерами, по праву займут свое место среди подобных изделий. Мы должны гордиться тем, что наши предки...» Про пред-

ков, – добавил я, – тут на шесть страниц. Видно увлеченный был человек, краевед. Буду звонить в музеи и выяснять судьбу этого клада.

– А, зацепило, значит, – обрадовался почему-то главред. – Ну, ищи, добро даю. А мы потом твои изыскания в газете опубликуем. Знаешь, как назовем? «Записки кладоискателя».

– Да какой из меня кладоискатель, – рассердился я. – Мне просто интересно, куда из стенки в деревне могли попасть такие сокровища. И еще одно: откуда они там вообще взялись?

– Зацепило-таки, – расхохотался он доброжелательно. – А что, Эльмих, я в детстве тоже кладами увлекался, – но заметив, что я раскраснелся и даже голову нагнул, милостиво отмахнулся: – Я ж не обидеть тебя хочу, а поддержать. Нам на текущий момент кладоискательские статьи не помешают. Сам знаешь, что у нас с тиражом.

Я знал. С тиражом было худо.

– Отвлекать тебя не буду, – сделал вывод главред. – даю зеленый свет. С чего, кстати, начать думаешь?

– С музеев, Если такая ценность, так ведь в музей должны были сдать.

– Дерзай, – кивнул он. – Я тоже считаю, что искать нужно в музее. А к завтрашнему дню подготовь информацию, как наши строители нашли странную коробку.

– Только не это, – ошалело поглядел я прямо ему в глаза, – представляете, что там уроды наурудуют? Туда же со всех окрестностей притащатся психи с лопатами и кирками! Строители нам точно спасибо не скажут.

– Да, – согласился он, – об этом я как-то не подумал. А если без указания точного адреса? Начни так: «В одном из поселков нашего района при сносе старого здания...» Ну и дальше в таком же роде. А закончи такими словами: «Редакция берет на себя обязанность проследить судьбу сокровищ и в ближайших номерах газеты...» И о работе мне докладывать! Лично. Понял, Эльмих?

Я кивнул. Он махнул рукой и сделал вид, что меня больше не существует. Но когда я выходил, крикнул в спину:

– А звезду нашли?

– Что? – не понял я.

– Звезду, которая памятный знак?

– Только ящик, – сказал я, обернувшись, – она ж, наверно, маленькая была.

– А, тогда точно пропала. Ну, иди, иди. Задумывайся.

И я задумался. Ведь по всему выходило, что клад этот существовал и был куда-то помещен. Золотые олени и кони просто так не исчезают. Я завернул учительскую тетрадку в полиэтилен, положил в рюкзак, и отправился домой – думать, сопоставлять, выяснять.

Алло, это музей?

Вот, думал я, договорюсь о встрече в музеях и быстро найду, где можно увидеть наш клад. Про себя я уже назвал эту находку стародубенской – так именовалась полностью снесенная теперь деревня, около которой расположилась строительная площадка. Здорово, напишу статью, как красноармеец Васильев сдавал клад государству, как попал этот клад в музей, как его изучали и где можно теперь его увидеть. Чудесная получится историческая картинка.

Но стоило мне только заняться розысками нашего клада, началась полнейшая глупость. Везде, куда бы я ни звонил, трезвые голоса музейных работников имели сообщить, что никаких подобных находок у них в учреждении не зафиксировано.

– Молодой человек, – с пренебрежением сказала мне какая-то старая дама из культурного очага, в который мог попасть наш клад, – если бы у нас был такой клад, о нем бы всем было известно. Неужели вы сами не понимаете, что говорите?

Я не понимал.

– Ладно, – смилостивилась она, – тогда слушайте внимательно. Перечисленные вами предметы, как бы это сказать помягче, относятся не только к разному времени, но и к разным культурам.

– Ну и что? – удивился я. – Это же клад! В клад могли все что угодно положить. Революция же была, война, разруха, собрали все, что в доме имеется, и спрятали.

– Молодой человек, – сердито уже сказала дама, – в доме не хранят скифское золото.

– Что?

– Скифское золото, – точно выплюнула она. – Ваши олени, гребни, заколки – самое обычное золото из скифских курганов. Такие находки у нас особо фиксировались, да и сегодня фиксируются. Во-первых, золото. Во-вторых, курганы. А если где-то выплывает такое золото, значит, ограбили курган.

– Это же во время военного коммунизма было, – ошалел я. – Думаете, о курганах заботились?

– Музеи всегда заботятся о своих курганах, – ответила мне эта женщина, – думаете, если война – так культуре конец?

– Ничего я не думаю, – рассердился тут уж и я, – думаю только, как бы найти, куда вся эта коллекция попала.

– Коллекция? – вдруг живо заинтересовалась дама. – Это несложно.

И назначила мне встречу через два часа. Только в этом чудесном музее, где были свои скифские кони и свои золотые олени, не отыскалось стародубенской коллекции. Дама, оказавшаяся мужеобразным созданием далеко за сорок, только качала головой.

– Не знаю, что и сказать, – наконец заявила она. – В таком наборе нам золотых вещей не поступало. Конечно, записи могли затеряться. Но, знаете ли, слишком разнородный состав у вашей находки. Такую бы запомнили. Нет, увы, и еще раз нет.

Увидев, что я огорчился, она взяла меня за руку и вдруг с глубокой искренностью попросила:

– Да не переживайте вы так! Эта ваша находка настолько уникальна, что никуда затеряться не могла. Найдется. В Эрмитаж обратитесь в Петербурге, в музеи этнографии, в местные краеведческие. Звоните и звоните. А еще лучше – просто пишите. И копию посылайте с вашей тетрадки. И вот что еще – попробуйте археологов порасспрашивать. Они уж точно должны быть в курсе дела, ведь это их родная стихия.

Нет, качали головами археологи. В таком составе коллекцию никогда не видели. Клады? Да, бывают, но такие богатые – очень редко. А тут столько золота, просто дух захва-

тывает. Нет, отвечали мне в музеях, которые я обшаривал с угрюмой методичностью, ничего такого не поступало ни до войны, ни после. Нет, записи никуда не терялись, просто не приносили подобных находок. Один из музейных директоров поглядел на меня как на придурка и сказал:

– Слушайте, неужели вы думаете, что если бы таковая золотая находка имелась, о ней бы никто не знал? Да такая находка сразу становится знаменитой! Вас просто надули.

– Простите, не понял...

– Надули, – повторил директор, брезгливо поджимая губы, – придумали все об этом золоте и голову морочат.

Я даже не знал, что ему возразить. Эта мысль мне и самому в голову приходила. Надули и голову морочат. Но как же...

– Нет, – сказал я твердо, – не морочат. Ошибаются – это может. Но не морочат. Хотите, возьмите тетрадку на экспертизу и установите точное время напи...

– Буду я еще себе голову чепухой забивать, – отказал мне этот человек. – И вам тоже не советую, а то свихнетесь.

Наконец настал день, когда я просто обхватил эту голову руками и едва не взвыл от досады. Матка боска ченстоховска! Да как же найти хотя бы тонкую ниточку, которая приведет меня к правде? Может быть, эту коллекцию разрознили, и она просто не дошла до музеев в полном виде? Клад ведь, а не курган. Скифское золото приобщили к скифскому, сибирское – к сибирскому, монгольское – к монгольскому, азиатское – к азиатскому, а серебряный крест с рубином и латиницей – к германскому серебру. Могли? А почему бы нет? Но если не найти всю коллекцию, то как искать разрозненные вещи?

– Левка, – позвонил я своему старинному приятелю, с которым дружу с самого детства, – ты ведь историк, вот и выручай.

И я рассказал ему вкратце о странном ящичке с тетрадкой, о музейных отказах и о своих подозрениях.

– Хм, – сказал он весело, – ну ты попал! Твои разрозненные изделия из желтого металла можно искать вечность. Впрочем, я к тебе вечером подгребу, покажешь мне тетрадку этого Грабишкина, хоть с полным описанием познакомлюсь.

– Левка, – закричал я, – ты первый человек, который на тетрадку согласился посмотреть. Я ж ее даже на экспертизу предлагал.

– Ну, – фыркнул он, – сам ведь понимаешь: для музейщиков все кладоискатели – психи. У тебя есть тетрадка с полным описанием? Все находки у тебя из чистого золота? Хоть и журналюга, а где гарантия, что не психи? Вот появлюсь, возьмем пивка, покумекаем, вдруг что полезное в голову-то и придет.

Тетрадка учителя Грабишкина

Вечером друг мой Лева сидел рядом и лихорадочно листал тетрадку учителя Грабишкина. Особенно внимательно он вглядывался в зарисовки и так увлекся, что даже про пиво с чипсами напрочь забыл.

– Слушай, – сказал он вдруг, – понимаю, почему тебя все посылают.

– Почему же?

– Да... видишь ли, твоего клада не может быть.

– Как не может, если есть?

– Хм, – покачал он головой, – монеты больно уж странные.

Я-то на монеты вовсе внимания не обратил. Какие еще монеты, если тут олени да барсы? А он сразу ринулся в свою нумизматическую стихию.

– Смотри, – показал, – что твой Грабишкин рисует и пишет. Ни больше, ни меньше – скифскую античную монету. Ну, известно, что были у этих скифов монетные знаки. Но это вообще из всего ряда выпадает. На ней что написано, если учителю твоему верить?

– Где написано? – сперва не сообразил я.

– Да вот же, – ткнул он пальцем в какие-то странные закорючки. – Это греческий. «Народ степей, – перевожу, если не знаешь этого прекрасного древнего языка, – победит богов морей». Черт знает что, а не монета! А подписана, между прочим, известным царем.

– Известным? – еще больше насторожился я. – Откуда известным?

– Из Геродота, – сказал Левка. – Скилом этого царя звали. А рядом другая монета, и на ней надпись, которая переводится так: «Быстроногие кони оседлают воды». А царь тот же – Скил.

– Ну и что странного? Мало ли что они на своих денежных знаках писали.

– Дурак, – вздохнул Левка. – Писать-то они много что писали, но обычно не такое. И заметь, на второй монете текст начертан на латыни. Понимаешь, на латыни! А на черта при Скиле этим скифам сдалась латынь, когда кругом были греческие полисы? И, внимание: Грабишкин пишет, что «данные монеты были помещены отдельно от остальных вместе с золотыми украшениями в виде оленя и орла, а также гребня с барсом и золотой пластины с изображением бородатого скифа».

– Ну и что?

– Да как что, наивный ты человек, – воскликнул Левка и даже всплеснул руками. – Ты посмотри на эти зарисовки! Это же вещи разных скифских эпох, а может, и разных регионов! Но они описаны все оптом, они лежали все вместе. Ты сам-то хоть понимаешь, что это может означать?

– Нет, – признался я.

– Вот и я не понимаю, – вздохнул он, – предполагаю... но нет, слишком дурацкая догадка!

– Дурацкая? Объясни хоть!

– Нет, потом, – уперся он, – если подтвердится.

Я Левку хорошо знаю. Если он отказывается что-то говорить, то так и будет молчать, как партизан на допросе. Так что я и спрашивать его больше не стал, завел разговор о другом.

– А тебе не кажется, – спросил, – что тут слишком много как раз скифских вещей?

– Пока не знаю, – вздохнул он так тяжело, точно у него на душе кошки скребли. – Тут есть, пожалуйста, персидские монеты, причем хорошо датированные – шестнадцатый век. Тут есть ордынские монеты, тоже датированные. Видишь, «Мамай» написано? Значит, четырнадцатый век. Есть монеты хана Тохтамыша – вон на них еще написано русскими буквами: «Царь Тохтамыш». Есть монеты государства Ильханов, тоже четырнадца-

тый век, потому что потом его попросту не было. Есть полновесные немецкие талеры. А крест... крест – он еще интереснее... Может быть, интереснее всего. Твой Грабишкин пишет, что это серебряный крест, принадлежавший магистру Ливонского ордена, и что-то там про Александра Невского. Надпись вроде обычная, латинская, «Бог Святая Любовь» написано. Откуда он взял, что это магистерский крест? Может, из-за рубина? Или из-за размера? Смотри, какой он размер указывает! Десять на пятнадцать сантиметров! Нет, не понимаю. А погляди еще: царская диадема из червонного золота, ба, нет, не могу!

Левка захлопнул тетрадку и захохотал.

– Да не смотри ты на меня так, – сказал он, отдышавшись. – Твой Грабишкин там адрес клада указал.

– Да это ж здорово! – в восторге даже вскрикнул я, досадуя, что сам не заметил.

– Чего уж здорового, – помрачнел Лев. – Адрес этого, прости, клада таков: Грановитая палата, Москва.

– Что? – не поверил я своим ушам. – Почему Грановитая?

– Да откуда ж я знаю! – потер мой приятель лоб. – Написано так. – Он снова открыл тетрадку, отыскал в ней нужный абзац. – Вот, изволь, читаю: «Царская диадема червонного золота с головы персидской княжны из царской сокровищницы (Грановитая палата), отобранная товарищем Августом Родиным, – не слышал о таком! – из рук национального героя Степана Разина». Как хочешь, так и понимай. А, гляди-ка, и про этот ливонский крест тоже кое-что дополнено. Тут... ох нет... конечно: «Отобран национальным героем Александром Невским 8 апреля 1242 года...» Не знаю, можно ли после этого Грабишкину вообще хоть на грош верить!

– А что нам остается, – помрачнел и я. – придется. Рисовал-то он с находок, а не с большого воображения.

– Вот тут согласен, – кивнул Левка. – Монеты со знанием дела прорисованы. Не мог он всего напридумывать.

– Да и фотографии... – начал я.

– Фотографии? А ну-ка покажи!

Я протянул бледно-желтые, точно осенние листья, фотоснимки. Они были почти слепыми, эти документальные свидетельства утраченных древностей. Но все же можно было разглядеть где очертания фигурки животного, где силуэт птицы; больше, правда, было кругляшек, как раз, наверное, монет. Вот монеты стали совсем тусклыми. Лева поглядел на снимки, подержал их у самых глаз и вдруг с какой-то странной, вздрагивающей полуулыбкой спросил:

– А помнишь, как мы искали клад? – Он глянул на меня своими быстрыми смеющимися глазами.

И я вспомнил. Было нам тогда всего ничего – лет по восемь. Левкина бабушка сдуру рассказала, что в доме, где они живут, были припрятаны немалые ценности во время гражданской войны. Само собой, как все мальчишки, мы тут же решили этот клад отыскать. Мы ходили по старому дому и простукивали его стены, чертили планы строения, пытаюсь понять, где можно было хорошо припрятать сокровища. Почему-то нам рисовался огромный сундук с пиастрами – все, как полагается в приключенческих романах. В подвале мы даже пробовали копать в наиболее привлекательных местах, потому что пол там был земляным. Но так ничего и не нашли.

А между тем о кладе знала не только бабушка, которая во время той войны была юной девушкой. О кладе превосходно были осведомлены все соседи. Они даже убеждали нас, что это никакой не сундук, а просто чемодан, перетянутый ремнями. Но о содержимом клада все говорили в один голос: там царские червонцы. Мы мечтали обрести эти червонцы и сдать

их в музей. Очевидно, наши поиски так надоели жильцам старого дома, что от нас стали защищаться при помощи тяжелых навесных замков. Мы умудрялись просочиться и через такие преграды. Но клада не было. Ни в виде сундука, ни в виде чемодана.

Наш клад обнаружили строители во время сноса дома. Это оказался совсем даже не сундук и не чемодан, как нас уверяли, а промасленный пакет, завернутый в толстый холст. В нем действительно были червонцы, а кроме червонцев – серебряные изделия от девятнадцатого до семнадцатого столетия, а также золотые украшения с самоцветами. Специалисты, которые изучали находку, пришли к выводу, что это украшения шестнадцатого столетия. Иными словами, клад включал предметы совершенно разных эпох. Совсем как сейчас с этим золотом, подумал я. Помнится, тот клад искали не только мы с Левкой, но и вполне солидные мужчины, а нашли его случайно. Не стали бы ломать дома – никогда не нашли бы. Спрятавший клад человек был расстрелян большевиками. Точного указания, где искать, он не оставил. И хотя в доме были проверены все стены, чердак и подвал, никто и не предполагал, что ценности могут лежать буквально у всех на виду – внутри дымохода. Когда строители сносили стены, дымоход сломали. Там-то и обнаружили этот драгоценный сверток. И, между прочим, если бы рабочие не нарушили целостность упаковки, клад снова мог бы оказаться погребенным – только теперь уже в строительном мусоре и навсегда. Старый холст, присыпанный кусками штукатурки и обломками дерева, вряд ли мог бы кого-то заинтересовать. Нашему кладу повезло: из разорванного пакета выпали серебряные вещи. А если бы не выпали? Тогда лежал бы он в недрах городской свалки, куда свозят строительный мусор. Вполне вероятно, что многие утраченные современные клады нужно искать именно по этому адресу. Конечно, это все мелкие клады, практически неизвестные, припрятанные совсем не именитыми согражданами. Конечно, в таких городских кладах вряд ли найдешь золотых оленей или барсов. Интересно, кому принадлежал стародубенский клад? Сегодня этого человека, конечно, нет в живых. Как жаль, как жаль! Он бы мог сказать, откуда происходят все эти находки. Само собой, не из Грановитой палаты, но откуда-то ведь происходят! Как бы хотелось увидеть эти вещи, подержать их в руках. Наверное, Левка думал о том же.

– И все-таки золото это существует. Нужно разыскивать, – сказал он твердо.

Мы сговорились, что с утра он позвонит своим друзьям, которые занимаются медиевистикой, поскольку в кладе было много средневековых монет, и античникам, специалистам по скифам. Немного подумав, он разбил все находки на две части: вещи со звериным орнаментом и вещи с арабской вязью, а между ними обозначил под знаком вопроса большой серебряный крест.

– Вот что, – сказал он твердо, – завтра я срочно свяжусь с Крымом. Дадут тебе на службе командировку в Крым?

Я ужаснулся. Командировки у нас выписывать ненавидели. Но по какой-то непонятной причине вдруг оказалось, что меня готовы сплавить хоть в Крым, только бы подальше от дома. Я совершенно ничего не понял бы, если бы не наша смазливая рыжая секретарша Любашка.

– Эльмих, – поделилась она новостями, зажав меня в углу между мусорной банкой для курящих и пожарным шлангом для устранения последствий неаккуратного курения, – ты что, сдурел – в два часа ночи звонить профессору Гулькану и требовать от него личной встречи? Причем немедленно? Он что тебе, мальчик – тащиться на остановку и стоять на пустой улице?

– Ох!... – За всеми этими золотыми разысканиями я совершенно позабыл, в каком времени живу. Я ведь действительно назначал встречу! – А он что... пришел?

– Представляешь, пришел, – полыхнула ядовитым глазом Любашка. – И прождал почти час.

– Бедный старый осел, – покачал я головой, – неужто сам сообразить не мог...

– Он человек военный, – пожала плечами секретарша. – Услышал, что нужен для консультации по золотым находкам, и пошел. А ты?

– А я как раз всю ночь этими находками занимался, совсем о нашем профессоре забыл. Тема, знаешь, поперла.

Любашка покрутила пальцем у моего виска и ушла, довольно хихикая. А когда я появился в кабинете у главреда, глаза у меня были, верно, столь выразительные, что даже поджидавший меня для хорошей трепки Гулькан проникся сочувствием. Он подсказал дельную мысль: надо попробовать поехать по тем местам, откуда могут происходить эти находки. И так поглядел на моего начальника, что тот тут же головой закивал. Хотелось мне сказать про Грановитую палату, но тут уж я сдержался и назвал неожиданно тот самый Крым.

– А это идея – скифское золото, – согласился Гулькан и тут же попросил главреда: – Отправьте вы этого шустрого в Крым, пусть хоть рядом с курганами поболтается.

Тайны городка Никоний

Осенний Симферополь оказался гадким, мерзким, вонючим городом. С моря шел шторм за штормом, так что даже тут, вдали от воды, воздух был забит мокрой противной взвесью. Даже не верилось, что это тот самый Крым, который так хорош в другое время года. Тот, который я так люблю. У нас на севере, смешно, но было как-то уютнее. Или я не привык к полосе осенних штормов? Или я просто оделся не по крымскому сезону?

– Хочешь к морю? – спросил рассеянно Левка и захохотал, когда услышал мое отчаянное «нет».

– Вот и хорошо, – сказал он, – мы к морю и не поедем. Мы сейчас возьмем такси и посетим одного странного гражданина. Ты не пугайся, он вполне безобидный, хотя осторожный... нет, даже объяснить не могу.

Этот странный гражданин, как оказалось, промышлял не вполне легальным бизнесом. Он консультировал подрастающее племя черных археологов. Левке это его занятие страшно не нравилось. Он периодически убеждал старого коммерсанта, что дело это вредное и совершенно антинаучное. Но «консультант» только пожимал плечами и занимался тем, чем занимался. А когда Левка его совсем доставал, так просто говорил: «Нет уж, помилуйте, юноша, тут у нас, на юге, где ни копни – история, что ж, и копать уже нельзя?»

На самом-то деле, конечно, он был здорово прав. Тут везде история. По всему побережью Черного моря в глубокой древности стояли города. Были они греческими, скифскими, позже – итальянскими. И везде в этих городах остались спрятанные сокровища. О некоторых мы знаем, о других – нет. Юг прежней нашей страны всегда был любимым местом для археологов. Можно сказать, что все побережье старательно раскапывалось людьми науки. И это было хорошо. Но разделилась страна на новые государства, как уже не раз бывало в истории, и с экспедициями стало сложнее. Теперь на украинском побережье и в Крыму копают все меньше и меньше, потому что никто не желает финансировать науку. Наука, она ведь никакого дохода не приносит. Она не завод, не торговая точка, даже не пивной ларек. Поэтому археологам в наше время приходится туго. Если в тех местах, где что-то собираются строить, экспедиции финансируются заказчиками, то тут, где все не раскопанные или не до конца раскопанные поселения известны, никто не позволит заняться строительством и уничтожением исторических памятников. Поэтому у археологов огромные денежные проблемы. Никто не учитывает ценности находок. А ведь о береге Черного моря справедливо говорят: где ни копни, там золото. И на смену нормальным археологам пришли «черные». Иначе говоря – грабители. Может, и не лишенные интереса к древностям своего края, но – дилетанты. Они заинтересованы только в находках. Причем в дорогостоящих находках. Особенно в золоте. Вот наш «консультант» и помогал «молодым гробовщикам», как сам их называл, хотя бы копать там, где не пострадают научные интересы и где этих ребят не схватит милиция за жадные ручки. Левка бурчал, но соглашался: пусть уж лучше разрабатывает для них наименее ценные места, чем они сами отправятся копать там, где должны работать ученые.

Звали этого старичка-моховичка Амвросий. Смешно, но он-то был профессиональный историк, хотя и не археолог. Маленький, рыжий, с носом до самой губы и черными маслянистыми глазками, наш Амвросий считал себя совершенным крымчаком, хотя выглядел как помесь турка с ирландцем. Знакомые называли его просто дядя Мося.

С порога он нас буквально огорошил:

– А тут по вашу душу уже сидят.

Мы переглянулись, а дядя Мося довольно захохотал. Из комнаты в прихожую нам навстречу вышел другой старичок – маленький, аккуратный, совсем уже седой и с ясными

голубыми глазами. Одет он был до крайности бедно: пиджак на локтях с заплатками, а брюки совсем провисли мешком.

– Эдик, – сказал старичок и протянул сухую маленькую руку, а потом – не давая даже рта раскрыть: – Вам слова «Никонийский клад» о чем-то говорят?

Мне слова ничего не говорили. Про этот Никонийский клад я никогда не слышал. Да уж, если быть честными, до этой «находки без находок» я историей кладоискательства в России не интересовался. Историей – да, это моя слабость. Но не историей кладоискательства. Левка – дело другое. Он сразу, заметил я, насторожился.

– Никонийский? – переспросил. – А что, опять золото пошло гулять?

– Пошло, – согласился Эдик, поглядел на меня и покачал головой. – Нехорошо-то как, мы с вами, Лев, знаем, о чем говорим, а ваш товарищ журналист только головой крутит. Просветите-ка вы его по поводу Никония, а мы с Мосей быстро чаю вам сообразим.

Пока старички сутились на кухне, Лева меня хоть немного да просветил.

Оказывается, в середине шестидесятых годов прошлого века в маленьком украинском селе Роксоланы начала раскопки одесская археологическая экспедиция. Тысячелетия тому назад здесь стоял известный по книгам древних авторов городок Никоний. От города к нашему времени осталась только верхняя часть – нижняя ушла под воду из-за затопления устья Днестра. Такая судьба постигла не только Никоний. После подъема уровня Черного моря многие прибрежные города оказались под водой. Однако Никоний просуществовал почти семь столетий. И почти что сразу по основании он чеканил собственную монету с изображением совы. Таких монет с совой и надписью «Скил» найдено более трехсот. Ученые выяснили, что Скил – это имя скифского царя. Они открыли жилые слои Роксоланского городища и античный некрополь, комплекс изучался на протяжении тридцати лет, однако никаких особенно ценных находок Никоний не принес. Скажем иначе – не принес археологам. Археологи покопали-покопали да и решили, что пора завершать работу. Было это в 1995 или 1996 году.

Слои Никония, конечно, никто не консервировал, а раскоп никто не охранял. И вот осенью, не менее мерзкой, чем та, в которой мы с другом оказались в Крыму, среди одесских коллекционеров стали гулять слухи, будто в этом Никонии найдены совершенно фантастические предметы. Чудо какие предметы! И золотые! Шепотом добавляли: настоящее скифское золото. Когда такие слова звучат на Украине, то умные коллекционеры стараются сделать вид, что ничего такого не слышали даже. Уж сколько скифских вещей было на Украине подделано! Числа им нет! Самые знаменитые подделки – творения великого ювелира Рахумовского. Золотую скифскую корону, которую он продал Лувру, долгое время считали подлинным шедевром степных мастеров. А оказалось, что этот степной мастер – Израиль Рахумовский. До смешного ведь дошло: корону Лувр приобрел за огромные деньги, а потом Рахумовский возьми и признайся, что он лично эту произвел ее в своей мастерской. Лувр пытался сохранить лицо и никак не желал признавать слова Рахумовского за правду, а корону за подделку. Но тут уж ювелирная гордость старого мошенника была задета. Он предложил изготовить точно такую же «скифскую» корону в присутствии наблюдателей. Изготовил. Для Лувра это был позор неслыханный, а Рахумовский здорово смеялся. Но не в Рахумовском соль. Просто после этой истории любые скифские золотые находки прежде всего проверяют на предмет подделки, если точно не известно, откуда они произошли.

Ходившие между коллекционерами слухи середины девяностых годов передавали фантастическую новость: настоящее золото, без дураков. Хорошо, но откуда? Долгое время продавцы скифского золота молчали и ничего не говорили, но поскольку покупать у них неизвестное золото отказывались, пришлось открыть место происхождения. Тут-то и выяснилось, что золото – из Никония. А все знали, что в Никонии копают археологи. Разграбить раскоп – это даже для черного археолога позор. Правда, в данном случае позор был ско-

рее для самих археологов. Они простились с Никонием, вскрыв жилые городские слои, и не собирались в ближайшее время продолжать исследования. Денег на это не было. «Черные» пришли чуть ли не на другой день после дипломированных. И оказались куда прозорливее ученых. Во всяком случае, если археологи обнажили какую-то плиту и так ее и оставили, не думая обрести ничего ценного, то охотники за кладами тут же смекнули, что плита непростая. У кладоискателей интуиция часто куда лучше, чем у специалистов. Потом сами «черные» рассказывали, что стоило им только влезть в раскоп и увидеть эту плиту, как они поняли, что там могут быть самые интересные и богатые находки. Они и были. И золото, и бронза. Но самое-то важное, что в центре жилого квартала Никония оказался склеп, как предполагают, скифского царя Скила. Именно на это погребение и наткнулись черные археологи. Им очень и очень повезло. Об этом мне Лева и рассказал, но пока я все равно не понимал, какое отношение имеет Никоний к нашей тетрадке и почему, если этот Никоний так важен, мы сидим не в Одессе, а в Симферополе.

Но тут вернулись наши старички, водрузили на стол красный чайник с крышкой в виде еловой шишки, чашки, банку кизилового варенья и стали сами рассказывать, точно посвящали нас в тайну.

– Вижу, – усмехнулся дядя Мося, – вас, юноша, подготовили. Ну-ка, Эдик, давай им все по порядку.

– А что по порядку? – распахнул глаза Эдик. – Тут как ни говори – по порядку получится. Я, – указал он на себя пальцем, – по профессии теперь пенсионер, а по интересам коллекционер. Меня каждая собака знает, что тут, что в Одессе. И вот как-то сюда, в наш Крым, приезжает парочка молодых бездельников и отлавливает меня прямо в библиотеке, куда я забредаю, чтобы от домашнего шума избавиться, от невесток этих, и поразмышлять. Сижую, античные монеты сверяю, а ко мне подходит молодчик и тихо так на ухо шепчет, что они специально в Симферополь приехали, чтобы мне и парочке таких же, как я, показать золото из Никония. Я посидел, все обдумывая, потом книги отнес на место, и пошли мы коллекцию смотреть. Это дело было у товарищей хорошо продумано. Меня в машину посадили, глаза закрыли черной повязкой и возили по городу минут так сорок, чтобы совсем дорогу запутать. Въехал мой провожатый в какой-то дворик, прямо к подъезду и так в повязке внутрь меня и завел. Только в квартире уже разрешили снять ее с глаз. Окна были завешаны, и свет горел. Так что я до сих пор так и не знаю, куда меня возили и кто в этом доме живет. Первым делом подвели к столу и показали находки. Я их увидел и ахнул.

– Неужто были такие ценные? – спросил я, а Эдик, очевидно, вспоминал, потому что глаза у него затуманились.

– Еще бы не ценные! Цены им нет, – сказал он просто. – Вот дураки археологи, до такого докопались и все бросили. У меня даже сердце забилося от волнения, что за находки. Представляете, передо мной лежали фантастические вещи! Золотых там было и не так уж много. А вот бронзовые, эх! Настоящий Папай!

– Кто-кто? – удивился я.

– Папай, – повторил Эдик. – Неужто вы ничего про Папая не слышали? Это божок скифский, что-то вроде греческого Зевса. Одну такую фигурку нашли в Днепропетровске. Были еще какие-то части Папая из других мест. Но этот Папай оказался совершенно особенным. Я сразу понял, что он не подделка. Вы когда-нибудь видели этого Папая? Нет? Так вот, навершие с Папаем делали в виде древесного ствола с ветками. Вместо ствола фигурка бородатого бога-Папая с протянутыми вперед руками, в руках он держит колокольчики. А сверху четыре ветки в виде рожков, и на каждом рожке, на его конце, – золотой орел с распростертыми крыльями, на крыльях и в клювах – колокольчики на подвесках. А по веткам идут звери. Так вот у этого Папая два рожка прежде были сломаны, так что древние мастера их подремонтировали, поставив специальные бронзовые пластинки на заклепках. Если бы

это была подделка, зачем бы мошенникам уменьшать историческую ценность? Они своего Папая изготовили бы без следов поломки. Так я и понял, что все, что передо мной на столе выложено, никакие не подделки, а ребята и в самом деле нашли древний склеп. Они, хотя и грабители, но грабители с уважением к старине. Свои находки они на плане отметили, измерили все и даже сделали чертеж склепа. Это, сказали, на случай, если ученые захотят купить что-нибудь. Им ведь нужно в отчете указать, что и как в склепе лежало. Иначе находку за находку никто не признает.

– Ты добавь, – перебил его Мося, – что они и ученым пытались свою добычу сбаврить. Эти молодцы странными оказались, им неловко было вроде, что ученые остались с носом. Но они столько запросили, что ученые сразу отказались. Если у них денег не было, чтобы еще хоть месяц посидеть на раскопе и самим этот склеп проверить, то откуда бы деньги, чтобы находки купить, пусть и драгоценные? Уж Папая бы они точно не упустили! Чудесная вещь, высотой сантиметров сорок пять. Скифы этого Папая считали символом царской власти. Папая они укрепляли в виде навершия на царском жезле. Так что обладатель жезла был царем. Этот царь в склепе, который молодцы раскопали, и лежал.

– Да там кроме Папая сколько всего еще было, – только вздохнул Эдик. – Как разложили все это дело передо мной, все слова из головы вылетели. Бляшки там были золотые, застежки с фигурами зверей, золотые пуговицы и трубочки, золотые пластины с изображением грифонов, литые украшения с растительным орнаментом, золотая пластина с головой волка, серьга с головкой женщины, глиняные кружки с приписанным золотом изображением Медузы-Горгоны, ох, всего и не упомнишь... И ведь представьте, это в разграбленном-то склепе!

– Как же так, – удивился я, – значит, склеп уже был до этих гробокопателей разворован? Откуда же столько вещей осталось тогда?

– Разворован, это точно, – сказал Эдик. – Если судить по тому, как поступили с телом покойника, то разворован. Тело бросили в склепе, содрав одежду и украшения. И сделали это, наверно, через короткое время после захоронения. Но самое-то чудное, что этот скиф был похоронен неправильно, – и пояснил, сугубо для меня, – все дело в типе погребения – это было по греческому образцу, а не в кургане, как принято было у скифов. – Потом поглядел на Леву и сказал: – Так что я знаю, чей это был склеп.

– Это не факт, – остановил его Лева.

– Нет уж, позвольте, позвольте, – воскликнул Эдик, – факт. Если верить Геродоту...

– Но в склепе-то никаких надписей не нашли...

– Пока что не нашли. Однако ясно, кому мог такой склеп принадлежать. Одному-единственному человеку, облаченному царской властью, но не погребенному по скифскому обычаю в кургане.

– Это если верить Геродоту. А если не верить Геродоту?

– А почему ему не нужно верить? Он объективный был человек.

– Угу, потому и писал про гиперборейцев.

– Так, может, и правду...

– Особенно про то, как они на крыльях летают, молодец, Геродот!

– Может, про гиперборейцев он с чужих слов, а тут же все рядом было.

– И что, сказать хотите, что Геродот сам при погребении Скила присутствовал?

– Но знал же!

– Это вы что, из надписей на монетах вывели? Так мог быть и другой царь.

– Мог, но этого звали Скил.

– А может, и не Скил. И может, и не царь.

– Скил и царь, иначе зачем жезл в погребение класть? Причем не новый, а потрепанный, многими поколениями царей использованный. Нет, точно Скил.

Я пытался понять, о чем Эдик так яростно спорит слевой и почему найденное погребение должно принадлежать Скилу. Конечно, одна из монет у нас была с таким именем. Но значит – было еще и погребение? Потом мне Лева объяснил, в чем тут суть. Только этот никонийский царь был похоронен в античном склепе. И не за стенами Никония, а в самом оживленном его центре, то есть он был очень уважаемым человеком. О Скиле ведь многое известно, о нем писал сам Геродот.

Это был сынок скифского царька Ариапифа и местной женщины-гречанки. Мамаша воспитывала своего Скила в греческой вере, по Геродоту, он умел читать и писать на этом языке и вообще как-то больше признавал не скифский, а греческий образ жизни. Став царем, он смог подчинить влиянию Никония ближние города. Геродот писал, что в Ольвии у него был белокаменный дворец, окруженный статуями грифонов и сфинксов. И когда он приво-дил свое войско в Ольвию, то оставлял воинов за пределами города, в шатрах, а сам отпра-влялся во дворец, переодевался в греческое платье и вел там нормальную жизнь по всем гре-ческим правилам. Молился он греческим богам и приносил им же жертвы, как принято у греков.

И как-то скифам стало известно, какую несправедливую жизнь ведет их царь. То ли кто из доверенной стражи проболтался, то ли среди греков оказался доносчик. Но скифы возму-тились, подняли восстание и свергли Скила, а царем сделали его брата Октамасада. Скилу пришлось бежать далеко на запад, во Фракию. Но против Фракии пошел его брат, и фракий-ский царь, которого перспектива войны со Скифией страшила, тут же поспешил выдать гостя врагам. Таким образом этот Октамасад решил важную для себя задачу – вернуть на родину своего венценосного брата, избавиться от конкурента навсегда. Скила фракийцы отдали на верную смерть. Получив нарушившего скифские законы брата, Октамасад тут же снес ему голову. И, между прочим, находки кладоискателей это вроде бы подтверждают: одна из фигу-рок на золотой пластине, изображающая демона, не имеет головы. Именно такой смертью погиб Скил. Ясно и то, что в склепе Никония этого Скила похоронил не брат, а кто-то дру-гой, потому что брат просто бросил тело в степи на растерзание диким зверям. Но нашлись верные сторонники, которые притащили тело его в Никоний. Можно даже представить, как все это происходило.

Однажды ночью к стенам Никония подъехала повозка, которую немедленно по тай-ному знаку впустили в город. Повозка эта привезла мертвое тело. Жители Никония уважали Скила – благодаря ему город сильно возвысился в Причерноморье. Так что с раннего утра в центре Никония стали возводить склеп. И там похоронили Скила по греческому обряду. Его вдова, Опойя, пережила двух мужей: до Скила она была женой его отца, которого тоже предательски убили. Как она, бедняжка, плакала на могиле пасынка!

Опасаясь мести Октамасада, жители города хранили в тайне, кто лежит в этом склепе. Они положили в могилу Скила символ его царской власти – тот самый жезл с бронзовым навершием, который принадлежал ему при жизни. И похороны эти были такие тайные, что даже Геродот ничего не мог сказать о месте погребения! Возможно, те грабители, которые все в склепе перевернули, были на самом деле посланцами Октамасада, который приказал найти могилу брата и нарушить его покой. Вот почему не все в склепе разграблено, кое-что и осталось. Взяли, скажем, наиболее ценные вещи, о которых мы ничего не знаем. А остальное испортили и поломали, разбросали, одежду содрали, чтобы душа Скила не обрела покоя в загробном мире...

Но этого мы уже никогда не узнаем. Хотя бы потому, что склеп был вскрыт непрофес-сионально. И находок из склепа у археологов нет. Они довольствуются рисунками кладо-

искателей и очень редко – фотографиями. Вся беда в том, что в Никонии в сезон копают археологи, а не в сезон – «черные». В 2000 году они заметили в Роксолане обнажившиеся находки в обрыве южного вала, стали копать и много чего нашли. Лева мне даже показал статью археологов В. Рябовой и И. Лежух, которым удалось изучить некоторые находки кладоискателей. Те «нашли обломки глиняной посуды, куски мрамора, терракотовую статуэтку Деметры и, самое главное, мраморную вотивную подвеску с изображением скифа и двумя надписями с именем Скила. Вместе с этой подвеской была найдена и мраморная квадратная печать с изображением головы скифа, а также несколько обломков мраморной плиты с греческими буквами». Эту подвеску и печать им передали на некоторое время для исследования.

«Вотивная подвеска, – пишут эти археологи, – сделана из крупнозернистого мрамора и представляет собой круглый предмет диаметром 5,4 см, с круглым отверстием в верхней части для подвешивания. На лицевой и оборотной ее сторонах сделаны рельефные изображения головы бородатого мужчины и совы в сопровождении надписей древнегреческими буквами по кругу. На лицевой части подвески рельефно изображен портрет мужчины с длинными волосами, короткой бородой. На лбу его видна диадема с каплевидным украшением посередине. Рельефно переданные очертания глубоко посаженных глаз, „классического носа“, плотно сжатых губ передают образ мудрого и волевого человека. Справа от головы, по краю, вертикально сверху вниз углубленно нанесена древнегреческими буквами надпись: „SKUL“. Левая часть подвески по краю от головы сбита. На оборотной стороне подвески вся центральная часть углублена на 1–1,5 мм по кругу, и в ней рельефно изображена спокойно сидящая на ветке сова, слева от которой находится гроздь винограда. По выступающему по краю подвески бортику справа, внизу и слева сделана углубленными буквами древнегреческого алфавита надпись, часть которой с левой стороны сбита, но может быть легко восстановлена благодаря сохранившейся начальной букве, окончанию первого слова: „BASILEWS SKUL ALKIM“. Изображение совы на оборотной стороне аналогично ее изображениям на литых монетах Никония с именем Скила».¹

Статья сопровождалась фотографией подвески, и можно было увидеть лицо этого Скила. Мужественный бородатый человек с длинными волосами, одетый по греческому образцу, и с классическим прямым носом – царь Скил. Это он любил попивать вино в хорошей греческой компании, приносил жертвы греческим богам; у него, наверное, были маги, гадавшие по полету птиц или виду печени животных, он читал греческие тексты и участвовал в вакханалиях – обрядах, посвященных богу-виночерпию Дионису. Это его бедное тело было привезено из степи и тайком уложено в никонийский склеп. Когда я прочитал статью археологов, мне стало очень обидно, что этого лица не увидят ни специалисты-историки, ни археологи, ни посетители музеев, потому что эта находка не попадет в музей. А черные археологи никогда не подарят ее музею. Они ведь только продают.

Но тогда, сидя в гостях у двух старых искателей Симферополя, я как-то уплыл из их дискуссии. Правда, имя царя Скила мне уже было известно. Лева прочитал его на монете. Но какое отношение Скил вообще может иметь к нашей пропавшей коллекции? Монета ведь могла затесаться туда случайно. Видимо, Лева тоже хотелось закончить со спором и спросить о том, что нас обоих так интересовало.

¹ Рябова В., Лежух И. «Черная археология» и история скифского царя Скила // Восточноевропейский археологический журнал. 2001, № 2 (9).

– С таким же успехом, – сказал он, – могилу Скила можно искать под Днепропетровском, потому что его именное кольцо-печать нашли именно там.

– Кольцо можно потерять, даже именное, – задумчиво ответил Мося. – А вот Папай в склепе – это аргумент. Но вы-то тащились сюда из Питера не из-за Папая... Или и у вас наше золотишко всплыло?

– Нет, – скривился Лева, – ваше золотишко у нас не бродит. Зато у нас такой странный к вам вопрос...

Старички переглянулись и заулыбались.

– Странный – это хорошо! – сказали они чуть ли не хором.

– Что вы на это скажете? – спросил тут же Лева и показал им прорисовки из нашей тетрадки.

– Жаль, не подлинник, – вздохнул дядя Мося, разглядывая рисунки монет, – но таких я не видел. Тут хоть и стоит имя Скила, но надпись на греческом слишком уж непонятная. А вторая и вовсе на латыни, Эдик, ты только погляди!

Они согнулись над рисунками и так долго его разглядывали, что я почти заскучал. А они все смотрели, переговаривались, спорили, потом к ним подключился и Лева, и они втроем перешли на такой научный жаргон, что мне оставалось только делать вид, будто я тоже хоть что-то понимаю. Наконец Мося задал тот вопрос, на который легко мог ответить и я: откуда это у нас. Я рассказал, откуда. Старички снова переглянулись.

– Странная история, – вздохнул Эдик, – клад, который пропал, и нет его там, где он должен быть. Вы точно все проверили? Со всеми музеями связались?

– В городе со всеми, – сказал я. – И в области со всеми, которые там есть. Но уж поверьте, если это было золото, да еще скифское, его бы в Эрмитаж повезли сдавать. А в Эрмитаже его нет.

– Еще забавнее, – добавил Лева. – Я разговаривал со своими приятелями, которые как раз скифами занимаются, так они посмотрели на наши прорисовки и усомнились, что это скифское золото. То есть, может, оно и скифское, но не из черноморских курганов, говорят одни; другие сказали, что золото не из Прикрымья, а скорее уж с Кубани, а третьи – что все это больше похоже на сарматов. Но вот монеты...

– Имя? – спросил дядя Мося.

– Имя, – согласился Лева. – Мы потому и хотели, чтобы вы все это увидели, потому что вам удалось хотя бы поддержать вещи из Никония. Там таких не было?

– Таких точно не было, – покачал головой Эдик. – А вы, ребята, вообще-то какой частью тела думаете? Вашим вещам сколько лет должно быть? А никонийские когда найдены? С чего это вы вдруг взяли их и связали? Лев, уж вы-то ученый. Это вашему другу журналисту простительно...

– Я и не говорил, что они никонийские, – удивился Лев, – я же их и не связывал! Ох ты, боже мой! Но... вот, поглядите-ка, – и он показал им прорисовку золотой пластины. – Надпись отвратительно читается, но все же... Вы ведь похожую пластину видели?

Старички уперлись глазами в прорисовку, потом поглядели с сожалением:

– Нет, Левочка, то, что мы видели, было попроще. Тут же целый зверинец вокруг вашего Скила, если это, конечно, Скил. Впрочем, о чем речь?

Эдик нагнулся, взял с пола портфель, раскрыл аккуратно и вынул переносной альбом для фотографий. Тут уж над столом склонились мы. Даже я, на что уж профан, и то сразу понял, что наша прорисовка и фотография никонийской пластины – вещи совершенно разные. Да и лица у бородатых воинов на пластинах были непохожими. Лева только вздохнул: вполне возможно, что и имя нашего бородача было вовсе не Скил, потому что от имени у нас осталась всего лишь первая буква.

– А монеты? Сова-то и на наших есть, – протянул он удрученно, – я думал, что они могут быть похожи на неизвестные мне монеты Скила, если вы такие видели.

– Нет, – сказал Эдик, – таких не видели. И у меня ваши монеты, которых нигде нет, кроме этой тетради, смущают больше всего. Я все же нумизмат. И все эти монеты знаю, но чтобы такие надписи... Прямо-таки Рахумовским воняет!

– Я понимаю, – вмешался тут я, – подделать эту, как ее, олениху, но монеты-то зачем? Их же дорого все равно не продать!

– Вот-вот, – согласился Эдик, – точно не продать, потому что коллекционер отшатнется, а для археолога такая находка ничего не стоит. Не он ее выкопал. А монета без адреса – это и не монета вовсе, как бы хороша она ни была. У монеты должна быть прописка. Если, конечно, это не монета из клада. Но тогда...

– Вы хотите сказать, что наши вещи все-таки из одного источника? Что они были именно кладом, а не коллекцией?

Старички переглянулись и только пожали плечами. Больше мы из них так ничего и не вытянули. Получалось, что отправились мы в Крым совершенно зря. Ну, не совсем зря. Потому что мы заглянули еще к одному Левиному знакомому, который занимается историей караимов. От наших поисков он оказался бесконечно далек, но дома у него было так много старых книг и журнальных вырезок по истории украинской археологии, что я набрал там немало интересных материалов о скифском золоте. Ладно, подумал я, если нам не найти ни происхождения нашей описи клада, ни самого клада, но там есть вещи, похожие на скифские, а монеты уж точно скифские, если не подделка, то должен же я хоть как-то представлять, как вообще открыли это скифское золото и как им заинтересовалась наука. И вот что я смог выяснить.

По скифским следам

В наши дни сложно найти скифский курган, которого не касалась рука грабителя. Обычно первыми находчиками бывали именно они, а потом уж приходили ученые. Весь юг России в девятнадцатом столетии был прочесан любителями быстрой наживы. Среди этих копателей были и местные мужики, охваченные страстью к золотоискательству, были и приезжие, иногда из Москвы или далекой северной столицы. И хотя по царскому закону с такими расхитителями старались бороться, но ведь за всем не уследишь. Тем более не поставишь к каждому кургану по становому приставу... Так что вылазки на курганы продолжались и продолжались. Именно по случайным находкам столичные ученые заносили на карты золотоносные курганы. По всему древнему солевозному пути из Никополя до Мелитополя стояли такие курганы. Местные украинские жители называли их могилами. Кому могилы принадлежат и какой народ оставил такие погребения, в те годы еще не знали. Зато легенд о потаенных сокровищах в этом районе ходило огромное множество.

Прежде нас, рассказывали местные крестьяне, тут жили, наверное, турки. Дюже эти турки были богатые. Недаром ханами да гиреями прозывались. Нехристи они были, вот что. Сперва-то наша Русь православная против них выступить не могла, слабые мы были, а у тех армия от моря и до моря. Так что терпели мы. Но потом пришел царь Петр и всех их тут поубивал. А когда убивать на них пошел, так они все сразу перепугались и стали сокровища прятать. А как тут спрячешь? Земля тут голая. И стали они тогда эти могилы ставить. По всей степи ставили. Коней в могилы ложили и мертвых, а в шкуры конские, чтобы потом вернуться назад и золото вернуть себе, сокровища разные зашивали. Выдернут из коня все мясо как есть, а на его место свое золото и схвают. Нехристи, одно слово.

Они слово знали, эти турки, говорили другие, такое заветное слово, чтобы клады их православные найти не могли. Как станут прятать свое добро, всякие там пистолеты, ружья, сабли, вещи золотые, пограбленные с христиан, кидают прямо в глину, песок, воду и заклинают: «Будь вы трыжды прокляти, прокляти, прокляти! Кто хоть грошик возьмет, так и будет проклятый, тому голова долой!» Вот такие слова они над своим добром приговаривали. И кто хоть чего из их могилы себе возьмет, сразу то рука отсохнет, то в тюрьму поведут, беда!

А гуторят, добавляли со страхом, будто в степи под славным русским городом Екатеринославом² целого мужика турецкого раскопали. Мужик уже стал весь скелет скелетом, но в руках между пальцами восемнадцать медных стрелок зажато. Видать, этими стрелками они наших православных и побивали, черти косоглазые. А тех, кто к стрелкам руками при-
тронулся, сразу паралич разбил. Заговоренные стрелки! Это страж у них зарыт был, чтобы никто до турецкого золота не полез.

Правда, были и другие народные мнения.

Тут прежде нас, думали крестьяне, не украинцы жили давным-давно, лет эдак пятьсот тому назад, а разбойные чечены. Дикие они были и потому не в хатах жили, а в этих могилах. Выкопают себе могилу и живут в ней, чего взять – дикие. А вот начали мы расширяться и сильными стали, побежали эти чечены от нас в горы. Тогда еще и турок не было, только мы да чечены. И вот бегут они от нас, православных, а добра много пограбили. До самого стольного Киева ходили набегами. Христианских душ погубили невидимо. Так что стали они от нас бежать, стали и добро свое прятать. А куда прятать? В могилы. Знали, душегубцы,

² Екатеринослав – прежнее название Днепропетровска.

что православный человек в могилу не полезет. Святое это место, хотя и поганое. Только не навсегда они золото припрятали, а на время. Ведь как рассудили: уйдем мы с этой земли, не справимся. А мы остались. А они на золото свое так наговорили, чтобы через пять сотен лет оно само стало из земли вылезать. И теперь, видать, время пришло как раз. Лезет оно из земли, чтобы чеченам в руки даваться. Но они-то уж тут не хозяева. Только плохое это золото, от него для православных гибель. Вот такие дела.

Точно так, добавляли некоторые. От такого чертова чеченова золота гибель. Они ведь как его в свои могилы ховали? Не просто с молитвами чистыми, а со всем злом, чтобы душу нам погубить. Сперва своих соседей соберут, потом начнут яму рыть и на дно доски кладут, а на те доски заклятие налагают, прямо по доскам его и пишут: так и сяк, значит, бог поганый чеченский, охраняй добро от мужиков православных. На эти доски добро положат, землей доверху закидают, еще кого и убьют, чтобы людям потом пострашнее было, трижды вокруг могилы обойдут с воплями дикими и кровью забрызгают, а не христианской святой водой. И от того ихнее золото только зло приносит. Ведь бог ихний – наш черт.

А третьи считали, что могилы эти не турецкие и не чеченские, а настоящие разбойничьи клады. Особенно несколько могил ходило в разбойничьих – Савур и Медведь. Никто не знал, почему курган называется Савур, зато по легендам выходило, что его насыпал над кладом легендарный разбойник по имени Савва. Савур-могила была огромным курганом под Мелитополем. Проезжая мимо по Чумацкому или Почтовому (Теплыньскому) шляхам, крестьяне крестились, заведя эти огромные насыпные курганы. «Савур-могила, Теплыньский лис – де бере чумакив бис», – придумали они такую поговорку. Особенно боялись ездить мимо курганов по ночам. Многие рассказывали, что своими глазами видели, как там мертвецы выходят из курганов и обходят свои владения со светящимися красными глазами.

По легенде знаменитый разбойник как раз на Савур-могиле когда-то и жил вместе со всем своим разбойничьим войском. Днем, когда нечистая сила людям сделать ничего худого не может, местные даже водили приезжий народ на экскурсии – показывали землянки, что остались от разбойника с его товариществом. Особенно ценили одну такую «землянку», рядом с которой рос бузинный куст. По преданию это была землянка самого Саввы. Все землянки были между собой связаны глубокими подземными ходами. Когда-то, рассказывали крестьяне, по Великому шляху ходили обозы, так Саввины разбойники их высматривали, потом тучей налетали и грабили. И не было ни единого обоза, чтобы прошел мимо атамана без дани. Очень опасались в старину этого места, но других дорог не было, приходилось платить атаману дань. А глубоко в разбойничьем подземелье держал Савва одного вещего старца. Тоже, конечно, разбойника. И тот старец всякий раз, как Савва собирался на свою работу, глядел в старинную книгу и по этой книге вычитывал, можно ли еще разбойникам жить на Савур-могиле или уже нельзя. И когда стало уже нельзя, велел Савва закопать добро в землю, чтобы прийти за ним потом и забрать. Он никогда с собой награбленное не перевозил. В один день ушли разбойники в новое место, поближе к Киеву.

А надо сказать, когда стояла шайка еще на Савур-могиле, принял атаман в нее совсем молодого хлопчика. И вот прошло с той поры, как Савва ушел, много лет. И однажды пас стало один пастух из местных около Савур-могилы, видит – по дороге идет человек в солдатской форме. Немолодой уже. Отставной. Остановился он против Савур-могилы, стоит, смотрит. Пастух его взял да и спросил: мол, чего остановился и так смотришь? А тот поглядел на него хорошо и спрашивает: кто это от землянки траншеей прорыл? Пастух сказал, что один местный житель это сделал. Солдат поглядел на него тяжело: «Что, – спрашивает, – этот копатель теперь богатый?» – «Да, – согласился пастух, – богатый, разжился грошами». Вздыхнул тут солдат. «Эх, – сказал, – был всего один казанок грошей, да и тот повыкопали». Повздыхал, сели они рядом с пастухом, и тот ему всю правду и рассказал. Прежде был он тем самым хлопчиком, с которым атаман подался к Киеву. Только не повезло им. Как стали

они поближе к Киеву грабить, половили их всех и забили в солдаты. А сам Савва где-то сгинул. Перед смертью, был слух, проклял он Савур-могилу, чтобы ни одна христианская душа там золота не смогла найти.

Клады Саввы Самодриги были по всему степному югу (разбойник часто менял дислокацию). Но все знали, что они сильно «заговоренные» и все как один проклятые. Об Острой могиле, которая находилась у села Маночиновка, рассказывали, что некоему кладоискателю удалось докопаться аж до самой двери. И будто была эта дверь огромна и заперта на огромный висячий замок. Но только гробокопатель прикоснулся к замку, из-под земли раздался страшный голос: «Не трогай, пропадешь! А прежде откопай на восьмидесятисаженной цепи ключ, тогда отопрешь им все двери, и все будет твое». И тут же сверху на него стала валиться земля. Кладоискатель так струхнул, что и о ключе позабыл, насилу выбрался наружу. По слухам, приезжал он из города Воронежа, прослышав о сказочных богатствах.

А трое других кладоискателей решились раскопать курган у села Шамовки под Херсоном, и им даже повезло найти не разграбленное погребение. Дело было ночью, трое мужиков прорыли подземный ход и со свечами в руках, осенив себя крестным знаменем, вошли в склеп. Но как увидели они там обугленный скелет, так перепугались, что одного из них даже удар хватил. Он так и остался под землей в чужой могиле. Умер от страха. Двое выживших клялись и божились, что скелет попробовал встать и вцепиться погибшему в горло. Грабить могилы они с той поры закаялись.

Впрочем, так бывало и в гораздо более древние времена. Никакие заклятия не пугали охочих до золота кладоискателей. Поэтому нередко через небольшое время после похорон царя на его могилу приходили люди отнюдь не для поминальной тризны. Ночью на могилу спешили те, кто желал прокопать надежный ход и унести из погребения царские сокровища. Археологам во время раскопок кургана Чертомлык в 1863–1864 годах пришлось столкнуться именно с таким случаем.

Когда рабочие вскрыли курган, оказалось, что центральная погребальная камера уже разграблена, кости покойного царя разметаны по всей камере и сама она полусасыпана обвалившейся землей. Нашлись лишь золотой царский перстень с быком и бляшки от царской одежды. Немногие вещи отыскились в боковых ответвлениях, в тайных нишах. Там обнаружили золотую пластину от ножен меча, золотую же обкладку колчана с изображенными на ней сценами из греческой мифологии и другие ценности. Но огромный сюрприз ожидал археологов впереди. Они увидели прокопанный грабителем тайный ход, но интереснее всего, что хотя грабитель и проник этим ходом, назад он выйти не смог: тонны земли обвалились на расхитителя гробниц и засыпали его вместе с награбленным золотом. Это золото досталось археологам.

Некоторым кладоискателям везло больше.

В марте 1896 года в пяти километрах от Херсона крестьяне разрыли курган, в котором нашли рядом со скелетом настоящее золотое ожерелье древнегреческой работы, три золотых перстня, кольцо, свернутое из толстой золотой проволоки, подвеску в виде полумесяца, украшенную треугольниками из маленьких золотых шариков, и бронзовую статуэтку фригийской богини Кибелы, которую в античные времена почитали по всему Средиземноморью. Эта статуэтка была выполнена с таким искусством, что сразу из могильника ее отправили в Санкт-Петербург, в Эрмитаж.

Но так везло, конечно же, не всем. Крестьянам, которые раскопали в 1876 году курганы у села Андрусовка, удалось найти в погребении проволочный браслет и чернолаковую кера-

мику античного времени. И хотя находки были минимальные, эти вещи тут же забрали у них безвозмездно в Херсонский музей. У незадачливых искателей остались только медный котелок да несколько бронзовых наконечников стрел. Были, правда, еще горшки. И когда кладоискатели их в могиле увидели, то решили, что им привалила удача. Если есть горшок, так в нем должно быть и золото. Увы! Горшки были совершенно пустыми. Так что крестьяне их от досады переколотили. А другим крестьянам из села Вершац зимой 1899 года повезло еще меньше: курган-то они вскрыли, только мало того, что ничего в нем кроме битой керамики не было, так еще и полиция сработала исправно. Всех копателей сразу арестовали. А потом еще и судили. В конце девятнадцатого века уже было создано Археологическое общество, и полиция старались быстро пресекать разграбление могил.

В 1902 году за этим занятием были обнаружены и повязаны крестьяне из села Нижние Серогозы под Мелитополем, которые раскопали курган Агузки.

«29 января с. г. крестьяне села Нижних-Серогоз, в числе 33 человек, – сообщал становой пристав уездному начальству, – по своему почину занялись раскопками кургана, что возле с. Нижних-Серогоз, под названием „Агузки“. Этот курган разрыт был членом Археологической комиссии Веселовским в 1893 г., который и закончил раскопки. В настоящее же время вышесказанными крестьянами открыт совершенно новый туннель и найдено во время раскопок несколько предметов, которые от них мною отобраны и представляются Вашему высокоблагородию. При этом имею честь доложить, что мною дальнейшее разрытие этой могилы было воспрещено еще 12 сего января, сейчас же, как было обнаружено, что производятся раскопки; за сохранением этого кургана учрежден надзор, сделанные отверстия в кургане зарыты, и виновные в числе 33 душ привлечены к законной ответственности».

Предприимчивые кладоискатели вынуждены были отдать царской казне 19 золотых предметов общим весом 261,85 грамма. Местная симферопольская газета «Салгир» давала более детальное описание находок мужиков.

«По поводу раскопок древней могилы (от корреспондента „Салгира“).

Сегодня мне пришлось видеть у крестьян Василия Чумака и Тимофея Мелешки с товарищами добытые ими из скифской могилы „Агузки“ разные древние вещи: собачку из литого золота, пуговку с двумя ушками с изображением лица мифологической богини, кружок, величиной с копейку, с выпуклой пчелкой, пластинку величиною в две коп., с изображением цветка, 141 золотую пуговку с ушками, 123 таких же, но золота на них более, 15 обломков золота, кольцо с уздечки на манер наперстка... Все эти вещи золотые. Нашли они все эти вещи в подземной галерее, сделанной, вероятно, вскорости после того, как была насыпана могила скифами. Подземный ход этот профессором Веселовским, по разрытии могилы, был исследован на расстоянии 16 сажен, но теперь земля осела, и крестьяне раскопали еще на девять сажен в другую сторону и тут-то нашли эти вещи».

Как только в полиции прочитали этот текст, стало ясно, что мужики сдали не все находки, а многое утаили. Так что к кладоискателям тут же отправились визитеры из полиции. И пришлось тем сдать еще семьсот предметов, вытщенных из скифского погребения.

Да, золото, которое таили курганы южных степей Украины – скифское. Если хотите увидеть золотые находки из скифских курганов, то можете пойти в Эрмитаж. Там имеется отличная коллекция этого скифского золота. Почти все скифские курганы давным-давно

раскопаны и изучены. Эти находки позволили ученым очень многое узнать о жизни древних скифов. И замечательно, что попали они в руки археологов, а не в частные коллекции. Путь находок к ученым из таких коллекций практически закрыт. Да и любая находка, будь она самой великой, если не запротоколирована должным образом, теряет научную ценность. Увы, вещи из склепа царя Скила, хотя и очень интересны, теперь для науки потеряны.

На современной территории России скифские захоронения встречаются по всему Черноморскому побережью, в степной зоне. Названия этих курганов известны даже неспециалистам: Солоха, Чертомлык, Толстая могила, Большая Цимбалка, Тайманова могила, курганы на Мамай-горе. Очень много таких могил по Кубани. Совсем не обязательно это погребения царей и скифской знати. Есть и очень бедные погребения простых воинов. Наиболее известны Келермесские курганы на левобережье Кубани. Это могилы царей и знати, которые принесли немало замечательных находок. Не менее богатыми оказались и курганы у станции Елизаветинской.

Какие же вещи находят в древних гробницах? О, их можно разделить на две большие группы: привозные (скифы много торговали) и изготовленные самими скифами. Среди привозных изделий разного рода оружие с искусно выполненными в виде барельефов сценами из античной мифологии, чернолаковая и краснофигурная греческая керамика, которую любили скифы, амфоры и детали конской упряжи. Среди скифских находок – бронзовые котлы, украшения в зверином стиле, изукрашенные металлические вещи. Скифы любили звериный стиль, именно по этой детали древние артефакты с изображениями животных сразу относят к скифским. Везде, где могли, скифы изображали коней, птиц, барсов, змей. И эта любовь к животным была присуща всем скифам – от Карпат до Алтая.

Левин симферопольский приятель, который скифами не занимался, в стороне от научных открытий никак не был. Именно он и вспомнил, что совсем недавно огромный клад нашли в другом районе Причерноморья – под Сочи. И клад этот оказался очень и очень богатым. В самом Сочи, сказал крымчанин, считают, что находка достойна Эрмитажа. Специалисты из Эрмитажа против такой оценки тоже не возражают.

«Это сенсационная находка, – соглашается реставратор Эрмитажа Ольга Семенова. – Клад представляет собой уникальный комплекс памятников античного мира и включает изделия декоративно-прикладного искусства из золота и серебра, оружие и детали конской упряжи из железа, предметы быта из бронзы. Тематика рельефов на предметах, высокий уровень ювелирной техники, прекрасное качество исполнения позволяют с большой долей уверенности сказать – это произведения ведущих художественных центров Древней Греции, выполненные в V–IV веках до нашей эры».³

Клад, который нашли под Сочи, состоял из серебряных чаш и дисков, золотых пластин с чеканкой, которые нашивали когда-то на богатые одежды, оружия и доспехов – множества предметов, совершенно бесценных. Фантастических. Сделал эту находку житель Казачьего Брода Андрей Чамкин, так что в историю кладоискания это сокровище вошло как «чамкинский клад». Правда, самому Андрею находка не принесла ни счастья, ни удачи.

– Хотите побольше узнать, – предложил наш крымчанин, – позвоните сочинскому коллекционеру, моему знакомому, он про эту находку вам все объяснит. И про то, какой она ценности, и про то, кто ее нашел. Он же сочинец, а следовательно – патриот своего города.

³ 7 дней Кубани. 2003, № 12 (154), 31 марта – 6 апреля.

Впрочем, даже лучше сделаем: свяжитесь с ним через Интернет, он покажет фотографии клада, у него есть.

Мы так и сделали. В тот же день я уже беседовал при помощи веб-камеры с коллекционером из города Сочи. Первый вопрос, который я задал, был глупым.

– Кто счастливый обладатель находки, – спросил я, – как он на клад наткнулся?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.